

Пишущий Хун Хун-Ахав. Фрагмент росписи на вазе K1523.

5. Язык иероглифической письменности майя

5.1. Проблема языка иероглифической письменности майя

Свидетельства источников колониальной эпохи о том, что иероглифическая письменность в XVI веке имела у майя Юкатана, также как примеры Ланды, указывают на язык майя Юкатана (юкатекский или собственно майя) как на язык иероглифических записей. Именно такой точки зрения придерживался Л. де Рони. Ю.В. Кнорозов выявил в Дрезденской рукописи ряд записей, соответствующих фонетическим формам именно юкатекского языка: числительное “три” записано как *o-x(o)*, *'ox*, числительное “одиннадцать” – как */b'u/lu-ku*, *b'uluk*, глагол “берёт” – *k'a-m(a)*, *k'am*. Термины “восток”, *la-K'IN*, и “запад”, *chi-K'IN*, употребляемые в рукописях, среди языков семьи майя-киче также присущи именно юкатекскому. Одновременно, Ю.В. Кнорозов обратил внимание на то, что записи некоторых слов, грамматических форм отличаются от засвидетельствованных в юкатекском языке XVI-XVII веков. В частности, запись слова “олень” знаком T671, *chi*, не отвечает его фонетической форме в юкатекском (*keh*), хоть и близка к существующей в языках двух других групп лингвистической семьи майя-киче: ч'оланских и чонтальских (*chij*). Сам Ю.В. Кнорозов предположил, что форма отражает ранний, архаический этап развития языка майя Юкатана, и считал, что язык письменности, по крайней мере, рукописей, это древний юкатекский: “Между языком иероглифических текстов и старым языком майя наблюдается значительное сходство... Это, конечно, не означает тождества обоих языков. Древний письменный язык сложился, вероятно, на рубеже нашей эры, и, очевидно, в основном соответствует разговорному языку эпохи заселения. В дальнейшем он почти не изменялся, оставаясь традиционным жреческим языком...” [12: 233].

Однако, дальнейшие исследования лингвистов обнаружили, что изменение согласной $\langle *k \rangle$ на $\langle ch \rangle$ не происходило ни на одном из этапов развития юкатекского, то есть, в слове “олень” на языке майя Юкатана никогда не произносилась согласная $\langle ch \rangle$. Вместо этого, такая фонетическая особенность присуща именно ч'оланским и чонтальским языкам. Более точные чтения иероглифических записей, ставшие возможными в 1990-х годах, выявили ряд других случаев соответствия иероглифических записей именно ч'оланским языкам.

В частности, в случае <k>/<ch> межъязыкового чередования, где <k> соответствует юкатекскому и языкам его группы (так называемым полуостровным), а <ch> – ч’оланским, кроме вышеупомянутого *chi, chij*, “олень”:

, T207:671,126, *o-chi, OCH-chi-ya, 'ochiiy*, “входить”, юкатекское *okol*;

, T93:502, *ch'a-ma, ch'am*, “брат”, юкатекское *k'am*;

, T116:671, *ni-chi*, “цветок”, юкатекское *nik*;

, T668:126, *cha-ya*, “рыба”, юкатекское *kaυ*;

в случае <ch>/<t> межъязыкового чередования, где <ch> соответствует полуостровным языкам, а <t> – ч’оланским:

, T710:59, *pa-ti, paat*, “сзади”, юкатекское *pach*;

, T513:59.126, *u-ti-ya*,

, T513:59.126, T1049.59:126, *UH-ti-ya, 'u[h]tiiy*,

“происходить, случаться”, юкатекское *uchul*;

, T59.679, *ti-i, tii*, “отверстие, двери”, юкатекское *chi'*;

, T673.44:59, *yo-to-ti, yotoot*, “дом такого-то”, юкатекское *y-otoch*;

В случае <o>/<u> межъязыкового чередования, где <o> соответствует полуостровным языкам, а <u> – ч’оланским:

, T216:248, *su-tz'i, suutz'*, “Нетопырь” (название месяца), юкатекское *sotz'*.

Решающее значение имел анализ грамматических показателей глаголов, выявивший, что во многих случаях в Дрезденской рукописи и практически всегда – в эпиграфике Классического периода – они соответствуют системе грамматических показателей глаголов, имеющейся в

подгруппе так называемых восточноч'оланских языков, ч'ольти (ныне исчезнувшем) и ч'орти. В частности, именно для этих языков характерна система суффикса пассива транзитивных глаголов -*aj*, интранзитивных глаголов -*Vu* и суффикса перфекта позиционных глаголов -*wan*, которая имеет прямую аналогию в языке классических надписей [20:329-334]. В связи с этим С. Хаустоном, Дж. Робертсоном и Д. Стюартом была предложена гипотеза о “классическом ч'ольти” как языке классических текстов [20:337-338]. В более поздней работе Д. Стюарт, в частности, указывает: “Фонологические черты ч'оланских лексем широко задокументированы в надписях, в частности, в распространенному использованию /*ch*/ в качестве отражения прото-майяского /**k*/... Весомость ч'оланских доказательств является несомненной, и недавно появились еще убедительные доказательства, что среди ч'оланских языков ч'орти и их язык-предок ч'ольти были в теснейшей близости к языку классических надписей. Это вытекает из сравнительного анализа глагольных форм среди ч'оланских языков, с демонстрацией очень тесного родства с ч'ольти-ч'орти ...” [43:107].

Однако, картина в иероглифических текстах майя сложнее.

Во-первых, в текстах из Северного Юкатана и в рукописях, имеющих, вероятно, юкатанское происхождение, встречается некоторое количество словоформ, отвечающих полуостровным, а не ч'оланским фонетическим нормам. Кроме выявленных Ю.В. Кнорозовым и упомянутых выше числительных '*ox* и *b'uluk* (в ч'оланских языках *hux* и *b'uhluch*), это также:

, T25.534:220b 136:44:112, *ka-la-ke-ji-to-TOOK'*, *Kal Kej Took'*, название местности, включающее в себя слово *kej*, “олень” (Йула);

, T92.13.738:565.534:24, *tu-u-ka-ta-la-IL*, *tu' ka' talil*, “повторно” (Чич'ен-Ица);

, T738.1002, *ka-na, kan*, “четыре” (Эк' Балам);

, T673/315:145, *yo-to-che, yotoch*, “дом такого-то” (Шкалумк'ин).

По мнению некоторых исследователей, в частности, Р. Вальда, в Дрезденской рукописи представлены грамматические формы глаголов, свойственные полуостровным, а не ч'оланским языкам, а именно, записи активных форм комплетива транзитивных глаголов с эргативным местоимением и суффиксом -*aj* [44: 43-45]:

, T13.920:669.181 1055a, *u-te-k'a-ja NAAH*, '*utek'aj naah*, “он обошёл здание”;

, T1.715:669.181 1022, *u-pa-k'a-ja TZIN-ni*, 'upak'aj tzin, “он высадил юку”.

Авторы гипотезы о “классическом ч'ольти” считают эти явления следствием влияния разговорного юкатекского языка на язык письменности, который, с их точки зрения, на Юкатане была языком книжной культуры (как, например, латынь в средневековых Франции, Италии или Испании). Так, Д. Стюарт отмечает: “На языке майя Юкатана сегодня широко разговаривают на всём полуострове Юкатан, у своей древней форме он, несомненно, присутствовал в северной части равнин с древних времён. Несмотря на это доказательства, что на юкатекском широко писали в классических надписях, ограничены. Отдельные слова могут иметь юкатекское происхождение, но грамматическое построение текстов должна быть целиком ч'оланской. Как это пояснить? Наиболее подходящая идея в том, что древний язык ч'ольти/ч'орти письменности был *lingua franca*, использовавшимся столетиями для составления царских текстов, даже в регионах, где население не разговаривало по-ч'олански” [43:107].

Однако, фонетические формы, присущие ч'оланским языкам, встречаются также в надписях Класичного периода из южных городов, например:

k'uh – “бог, священный” (повсюду), в ч'оланских языках – *ch'u'*:

, T603:740, *k'u-hu*,

, T40.1016, *K`UH*;

kan – “змей” (Паленке, Калакмуль, Копан, Помона), в ч'оланских языках – *chan*:

, T33:25.764[1000d],

, T33.738a.764/168, *K'UH-ka-KAN-AJAW*,

, T4.25.25:764, *NAAH-ka-KAN*;

k'am – “брат, взять” (Паленке), в ч'оланских языках – *ch'am*:

, T669:142, *k'a-ma*;

ka'yo'm – “рыбак” (Паленке), для ч'оланских языков реконструируется **cha'yo'm*:

, T25:25.673a:74, *ka-yo-ma*;

kab' – “земля” (Паленке), для ч’оланских языков реконструируется **chab'*:

; T204.217:25.556, *u-TAL-ka-b'a*;

kot – “стена, ограда” (Тонина, Калакмуль), для ч’оланских языков реконструируется **chot*

, T1.110:44:563b, *u-ko-to*.

Д. Стюарт считает, что эти слова являются архаизмами, воспроизводящими формы проточ’оланского языка, которые существовали до того, как в нём произошёл переход $\langle *k \rangle$ в $\langle ch \rangle$: “... В южных городах мы находим данные об архаических записях, которые приблизительно соответствуют протомаяским формам, и которые могли “окаменеть” в письменности уже столетиями позже, во времена их использования писцами поздней классики” [44: 107-108]. Однако, наличие таких форм может объясняться также полиэтническим характером населения классических городов Петена и Чиапаса, где присутствовали как ч’оланские, так и полуостровные (юкатекские) элементы, чьи языковые нормы нашли отражение в текстах, и наличием диалектных отличий с разным соотношением таких элементов. По крайней мере, именно этим лучше всего объясняется обстоятельство, что в созданном в 669 году в Пьедрас-Неграс тексте на “Панели 2” глагол “взял” записано *ch'a-CH'AM*, *ch'am*, а в соседнем Паленке в 735 году – *k'a-ma*, *k'am*.

Изучение иероглифических текстов привело исследователей к выводу о наличии влияния на их язык со стороны представителей языков ещё одной группы семьи майя – чонталь (см. 45). Действительно, некоторые грамматические показатели, зафиксированные в письменности (в частности, суффикс позиционных глаголов *-waan*), являются общими для восточноч’оланских языков, языка письменности и чонтальских. При этом они впервые фиксируются в северо-западном Чипасе, зоне, наиболее близкой к местам проживания современных носителей языков чонталь, а в дальнейшем в VII-VIII веках распространяются в Петене вплоть до Копана (в Копане такие формы появляются, когда матерью местного царя была женщина из Паленке, города в северном Чипасе).

Отдельные слова, зафиксированные в классических иероглифических надписях (например, *tzutziiy*, “закончился”, *'uxb'al*, “выгравированный”) не встречаются в известных словарях ни юкатекского, ни ч’оланских языков, однако, известны в лексических материалах языка цельталь. Впрочем, это не обязательно значит, что некоторая часть народ, использовавшего письменность, разговаривала на цельталь, ведь словари, в частности, ч’оланских языков, весьма неполны, и соответствующие слова, зафиксированные в лексикографических материалах относительно цельталанских языков, могли просто остаться за рамками словарей ч’оль, ч’орти и ч’ольти.

5.2. Фонетика

Прямые данные о фонетике языка иероглифической письменности майя отсутствуют. Поэтому она реконструируется на основе допущения о родстве с другими языками семьи майя, в частности, с ч’ольти-ч’орти (см. 32:54-55, 42:1).

а. Согласные

Согласно с наиболее распространенной реконструкцией в языке иероглифической письменности майя существовало 20 согласных, артикуляционная классификация которых приведена ниже:

	Губные	Зубные	Альвеопалатальные	Велярные	Глоттальные
Смычные:					
простые	<i>p</i>	<i>t</i>		<i>k</i>	'
глоттализированные	<i>b'</i>	<i>t'</i>		<i>k'</i>	
Аффрикаты:					
простые		<i>tz</i>	<i>ch</i>		
глоттализированные		<i>tz'</i>	<i>ch'</i>		
Щелевые (фрикативные)		<i>s</i>	<i>x</i>	<i>j</i>	<i>h</i>
Носовые	<i>m</i>	<i>n</i>			
Боковые		<i>l</i>			
Полугласные	<i>w</i>		<i>y</i>		

Особенностью реконструируемой системы консонантов языка иероглифической письменности является противопоставление простых – глоттализированных фонем в рядах смычных и аффрикат.

Механизм образования глоттализированных согласных исследователи языка ч'оль Вильбур и Эвелин Аулиэ (Aulie) описывают следующим образом: “Наряду с тем, что органы речи занимают положение, чтобы образовать соответствующий согласный, должна закрыться щель между голосовыми связками (glotis), препятствуя таким образом прохождению воздуха через последние” (46:18). Вследствие этого образуется согласный, сопровождаемый глоттальной паузой (glottal stop), звуком, похожим на <'> в английском <bo'l>, “bottle”.

Оппозиция простых и звонких смычных для языка письменности исследователями не реконструируется, звонкий <*b'*> противостоит простому <*p*> как глоттализированный (этим язык письменности подобен современному ч'орти), хотя в современном ч'оль и в полуостровных языках зафиксировано противопоставление простого, глоттализированного и звонкого губных смычных: <*p*>/<*p'*>/<*b'*>, а “алфавит Ланды” приводит отдельные знаки для “*p*”, “*b*” и “*pp*” (то есть, “*p''*”).

Для языка иероглифической письменности Классического периода свойственно противопоставление <*j*> велярного <*h*> глоттальному, однако, анализ текстов свидетельствует, что уже в VIII столетии н.э. разница между этими фонемами стала исчезать (47:79-80). В современных

ч'оланских та юкатекском различия между ними не существует (хотя в языке майя Юкатана она сохранялась до XVII века).

В современных языках майя исследования фиксируют существование простых и палатализованных (смягченных) аллофонов у смычных, в частности, <ɾ> и <ɾʷ>, <k> и <kʷ> в ч'оль, <k> и <kʷ> в юкатекском (48:9-10; 49:18). Однако, в языке иероглифических надписей такие явления не выявлялись.

б. Гласные

Для языка иероглифической письменности майя реконструируется наличие пяти простых гласных:

Подъём	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i</i>		<i>u</i>
Средний	<i>e</i>		<i>o</i>
Нижний		<i>a</i>	

Каждая гласная кроме простого (основного) варианта имеет еще три комплексных:

долгий (VV);

глоттализированный или реартикулированный (Vʷ);

аспирированный (Vh).

Долгая гласная имеет продолженное звучание в сравнении с простой.

Артикуляция глоттализированной (реартикулированной) гласной прерывается глоттальной паузой.

Артикуляция аспирированной гласной заканчивается глоттальным щелевым звуком (глоттальным спирантом) <h>.

Каждый из вариантов гласной является самостоятельной фонемой, изменяющей значение. Таким образом, в языке иероглифических надписей было 20 гласных.

Дифтонги в языке иероглифической письменности встречаются крайне редко, как исключение.

5.3. Морфология

В языках майя принято выделять следующие лексико-грамматические разряды слов:

существительные;

местоимения;

предлоги;

прилагательные;

глаголы;

числительные;

частицы.

5.3.1. Существительные

Под существительными обычно понимают класс слов, имеющих значение предметности, то есть, способность приобретать признаки и совершать действия. В частности, к существительным принадлежат обозначения лиц, предметов, мест, состояний и качеств.

5.3.1.1. Морфологические классы существительных

По морфологическому строению существительные языка иероглифической письменности майя можно подразделить на:

простые;

префиксальные (образованные при помощи префиксов);

суффиксальные (образованные при помощи суффиксов);

сложные.

Простые существительные

Словоформа простых существительных совпадает с корнем, например:

, T2, EK', 'ek', “звезда”; , T503, IK', 'ik', “ветер”;

, T501, HA', ha', “вода”; , T87.741a, TE'-e, te', “дерево”;

, T683.18var, ja-yi, jaay, “чаша”; , T1016.507, k'u-tzi, k'uuh[htz], “табак”.

Префиксальные существительные

Префиксальные существительные образуются путём приобретения корнем или словоформой относительного префикса 'aj- (перед существительными мужского рода) либо 'ix- (перед существительными женского рода). Указанные префиксы придают существительным значения:

лица, связанного с определённой деятельностью, занятием:

, T12.Scribe-hand:556, *AJ-TZ'I[h]B'-b'a*, *'aj-tz'ii[h]b'*, “человек письма”, “писец”, от *tz'i[h]b'*, “писать, рисовать”;

, T12.671:136, *AJ-chi-ji*, *'aj-chij*, “охотник”, букв. “человек оленей”, от *chij*, “олень”;

T12.756.568, *AJ-u-xu?-lu*, *'aj-uxul(?)*, “гравировщик”, от *'ux-*, “гравировать”;

лица, владеющего определённым предметом:

, T229.1016:23, *a-K'UH-na*, *a(j)-k'uhu'n*, “сановник”, букв. “хозяин священной бумаги” (вероятно, бумажной головной повязки, являвшейся знаком высокого ранга), от *k'uh*, “священный”, и *hu'n*, “бумага”;

, T12.X:570, *AJ-LAJU'N-B'AA[h]K*, *'aj-laju'n-b'aa[h]k*, “хозяин десятирх пленников”;

T12.III:767:528.116, *AJ-HUX-LAKAM-TUUN-ni*, *'aj-hux-lakam tuun*, “хозяин трёх больших камней (стел)”;

лица, происходящего из определённой местности либо живущего в определённой местности:

, T12.671:528 23.585a, *AJ-chi-ku na-b'i*, *'aj-chi'knaa[h]b'*, “человек из Чиикнааба”, то есть, из Калакмуля;

, T122.504 21².568:501, *AJ b'u²-lu-NA'*, *'aj-b'ub'ulha'*, “человек из Бубульха”;

, T1002 16.743/168, *IX YAX-a-AJAW*, 'ix-ya^ha' 'ajaw, “владычица из Йашха”.

Суффиксальные существительные

Язык иероглифической письменности майя характеризуется весьма богатой системой словообразующих суффиксов существительных (подробный анализ см.: 19: 26-32, 36-39, 39: 15-41). Среди них можно, в частности, выделить следующие:

-a – образует существительные со значением “лицо, имеющее отношение к определённому явлению, занятию, либо происходящее из определенного места”:

, T1035a:12, *K'A[h]K'-a*, *k'a[h]k'a'*, “человек огня”;

, T607:758a.1035a:12, *jo-ch'o-K'A[h]K'-a*, *joch'k'a[h]k'a'*, “высверливатель огня”;

, T130.Bird.229, *wa-B'E'-a*, *Wab'e'a'*, “человек из Вабе”;

-aj – суффикс отглагольных существительных, указывающих природу действия:

, T602:563a.181, *pa-sa-ja*, *pa[h]saj*, “открытие, раскрытие, появление”, от *pa[h]s-*, “открывать, делать видимым”.

-aj – абсолютный суффикс существительных, обозначающих личные вещи:

, T3:60.1040.181, *u-ha-AJ*, 'uhaj, “ожерелье”;

-el – суффикс существительных, обозначающих конкретные вещи:

, T1:556 221:188 751:142, *u-b'a-ke-le B'A[h]LAM-ma*, 'ub'akel b'alam, “кость ягуара” (конкретная кость конкретного ягуара, а не вообще кость, см. 43:111);

-ib' – суффикс, указывающий субъект или инструмент действия (агентивно-инструментальный):

, T228.23:585a, *a-na-IB'*, 'anib', “резчик”;

Т644b-585a, *CHUM-mu-IB'*, *chum'ib'*, “скамья, сиденье”, от *chum-*, “сидеть”;

, Т62.128:501.585a, *yu-UCH'-IB'*, *yuch'ib'*, “сосуд для питья”, букв. “поилка”, от *uch'-*, “пить”;

-ich – суффикс существительных с возвеличивающим значением:

, Т671[544]:116, *K'IN-ni-chi*, *k'inich*, “великое Солнце”;

-il – суффикс существительных с обобщённым значением:

, Т544:528.548;24, *K'IN-TUN-HAB'-IL*, *k'intunhab'il*, “засуха”;

-iil – суффикс названий отдельных местностей:

, Т12.16:116.534, *AJ-YAX-ni-la*, *aj-yaxniil*, “человек из Йаш Нииль”, то есть, из Ель-Кайо;

-is – абсолютный суффикс существительных, обозначающих части человеческого тела:

, Т669[556]:57, *k'a-b'a-IS*, *k'ab'is*, “рука”;

-itz либо *-aatz* – непродуктивный суффикс существительных, обозначающих материальные предметы:

, Т279.173.507, *o-mi-ITZ*, *'omitiz*, “жезл с перьями”;

, Т33:565:124, *K'UH-OK-ITZ*, *k'uhul ookitz*, “священная платформа”;

, Т679:25:124, *i-ka-tzi*, *'i[h]kaatz*, “свёрток” (в переносном значении – “дань”).

-*l* – суффикс отглагольных существительных, указывающих субъект (агента действия):

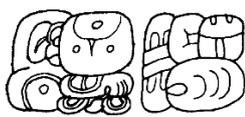

, T177.507fac:178, *pi-tzi-la, pitziil*, “игрок в мяч”;

-*lel* – образует существительные, указывающие социальный статус:

, 59:188:188/168, *ti-AJAW-le-le, ta 'ajawlel*, “на владычество”;

, T644b.534:88:126 102.188/168, *CHUM-mu-la-ji-ya ta-AJAW-le, chumlajiiy ta 'ajawle(l)*, “от того, как воссел на владычество”;

, T644a:178 59.74:528.516c:188, *CHUM-la-ji-ya ti-KALOOM-TE'-le, chumlajiiy ti' kaloomte'le(l)*, “от того, как воссел в сане калоомте”;

-*nal* – образует существительные, указывающие место происхождения или нахождения:

, T117:507.23:534, *wi-tzi-na-la, witznal*, “горная местность, нагорье”;

, VI.T632:561/86:139, *WAK-MUYAL-CHAN-NAL-la, wak muyal chanal*, “шестая область облачного неба”;

, T95.728/86:140, *IK' WAY-NAL-la, ik' waynal*, “область темного пространства”;

, T12.524/86, *AJ-HIX-NAL, aj-hixnal*, “существо из местности оцелотов”.

-*oom* – непродуктивный суффикс отдельных существительных:

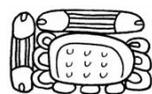

, T1040var.:173, *JOL-mi, joloom*, “голова”;

-o'm – суффикс, образующий существительные, которые указывают субъект (агента) действия (агентивный суффикс):

, T228.516b.134:74, *a-AK'-no-ma*, *a(j)-ak'no'm*, “жертвователь”;

, T110.110:134[595]:142, *ko-ko-no-ma*, *kokno'm*, “защитник, хранитель”.

Дж. Робертсон высказал предположение о существовании суффиксов отглагольных имён, обозначающих действие, -*ya(j)* или -*yajel* (см. 49a:322-324):

, T3.601[528]:126, *u-chu-ku-ya*, *'uchukya(j)*, “захват в плен такого-то”;

, 18:258:200 126.617:69:139, *yi-pi ya-je-la*, *yipyaje'l*, “усиление такого-то”.

Однако, грамматические функции соответствующих показателей требуют дальнейшего изучения.

Составные существительные

Составные существительные образуются путём сложения двух или больше корней. Примерами таких существительных (немногочисленных в иероглифических записях), являются:

, T544:528.548, *K'IN-TUN-HAB'*, *k'intunhab'*, “засуха” = *K'IN* + *TUN* + *HAB'*;

, T1:660:23, *JUUN-TA[h]N-na*, *juunta[h]n*, “забота” = *JUUN* + *TA[h]N*.

5.3.1.2. Абсолютные и притяжательные формы существительных

Абсолютные формы существительных

В языках майя, в том числе в языке иероглифической письменности, обязательным является указание тождества или нетождественности лица, предмета или явления, обозначенных существительным, говорящему лицу (рассказчику, автору), или собеседнику (читателю). Такое тождество или нетождественность обозначается путём приобретения существительными особых суффиксальных местоимений, так называемых абсолютивных местоимений.

В случае тождества существительного рассказчику (автору) абсолютная форма образуется путём приобретения местоимения *-e'n* :

, T228.117:537 221.23, *a-wi-na-ke-na*, 'awinake'n, “я тот, кто является твоим человеком/служителем”

в случае тождества существительного собеседнику (читателю) – местоимение *-at*:

, T1.1141:51, *u-MAM-ta*, 'umamat, “ты тот, кто является его дедом”.

В случае, когда существительное не тождественно ни рассказчику, ни собеседнику, то есть, является третьим лицом, абсолютивное местоимение имеет нулевое значение:

, T920:142, *te-ma*, *teem-ø*, „трон (который не я и не ты)”;

, T238.117:23:102, *a-wi-na-ki*, 'awinaak-ø, “он (не я и не ты) тот, кто является твоим служителем”;

, T204.671:59:116.24, *u-chi-ti-ni-IL*, 'uchitiniil-ø, “его алтарь огня (который не я и не ты)”;

, T679.25:507, *i-ka-tzi*, 'ikaa[h]tz-ø, “дань (которая не я и не ты)”;

, IV.T87.1000d.130, *CHAN-TE'-AJAW-wa*, *chante'* 'ajaw-ø, “четверо владык (которые не я и не ты)”.

Форму, обозначающую лишь тождество/нетождественность существительного рассказчику или собеседнику, принято обозначать как абсолютную форму существительного (absolutive state of noun stem).

Притяжательные формы существительных

В случаях, когда лица, предметы или явления, обозначенные существительным, находятся с другими лицами, предметами или явлениями в отношениях принадлежности (вещь А принадлежит лицу Б) либо свойственности (качество В свойственно лицу Г), существительные, обозначающие лиц, предметы или явления, принадлежащие или свойственные другим, выступают в особой притяжательной форме (possessed state of noun stem).

Постоянным элементом всех типов притяжательных форм являются особые притяжательные (эргативные, от греческого *εργατης*, “действующее лицо”) префиксо-местоимения, указывающие, является ли лицо, в притяжательных отношениях с которым находится существительное, рассказчиком, либо его собеседником, либо третьим лицом.

Если лицо, в притяжательных отношениях с которым находится существительное, является рассказчиком, притяжательная форма образуется при помощи притяжательного префиксо-местоимения первого лица *ni-* (Д. Стюарт предлагает рассматривать этот знак как морфосиллабограмму и читать *IN-*, 43:114):

, T116.21:528, *ni/IN-b'u-ku*, *nib'u[h]k/‘inb'u[h]k*, “моя (того, кто говорит) одежда”;

, T116.526:24 116.598:24, *ni/IN-KAB'-ILni/IN-CH'EEN-IL*, *nikab'il nich'eenil/ 'inkab'il 'in ch'eenil*, “моя (того, кто говорит) земля, моё (того, кто говорит) селение”.

Если лицо, в притяжательных отношениях с которым находится существительное, является собеседником, притяжательная форма образуется при помощи притяжательного префиксо-местоимения второго лица *a-* (перед согласными) либо *aw-* (перед гласными):

, T229.3.1016:24, *a-K'UH-IL*, *'ak'uhil*, “твои боги”;

, T229.67:534, *a-wo-la*, *'awo'[h]l*, “твое сердце”.

Если лицо, в притяжательных отношениях с которым находится существительное, не является рассказчиком или собеседником, притяжательная форма образуется при помощи притяжательного префиксо-местоимения третьего лица *u-* (перед согласными) либо *u-* (перед гласными):

, T3.534:25.25, *u-la-ka*, *'ulak*, “его тарелка”;

, T229.36:1016:24, *u-K'UH-IL*, *'uk'uhil*, “его боги”;

, *yo-O[h]L-la*, *yo'[h]l*, “его сердце”.

Кроме лиц, в притяжательных отношениях с которыми находится лицо, предмет или явление, обозначенное существительным, притяжательная форма указывала также количество таких лиц: одно, в таком случае употреблялись указанные выше притяжательные префиксо-местоимения единственного числа, или больше, чем одно, когда использовались притяжательные местоимения множественного числа. Правда, в иероглифических записях с существительными надёжно засвидетельствовано только притяжательное местоимение первого лица множественного числа:

, III.25:21:534, *HUX-ka-b'u-la*, *huxka'b'uul*, “много нашей фасоли”.

Образование отдельных типов притяжательных форм имен существительных

В языке иероглифической письменности майя существовало несколько морфологических типов притяжательных форм существительных, отличавшихся в зависимости от значения существительных.

В частности, можно выделить следующие типы притяжательности:

1) Обычная притяжательность. Характеризует все имена существительные, кроме тех, для которых присущи указанные далее особые типы притяжательности.

2) Тесная притяжательность (в англоязычной литературе “intimate possession”) – существительное в посессивной форме обозначает личные вещи и части человеческого тела (50:199-209).

3) Частичная притяжательность – существительное в посессивной форме находится относительно другого существительного в отношении части к целому (как например: “стена дома”);

4) Сверхъестественная притяжательность – существительное в посессивной форме обозначает сверхъестественные явления. Такими явлениями, в частности, являются: божества, места захоронений, местопребывание богов, воплощения богов, смерть, умершие родители, родоначальники;

5) Особая притяжательность – существительное в посессивной форме обозначает отдельные категории явлений, как-то: камни, периоды времени, знаки и награды.

Анализ иероглифических текстов и их сравнение с материалами известных языков майя позволяет выделить следующие модели образования притяжательных форм отдельных типов существительных.

а) Формы обычной притяжательности образуются путём приобретения существительным притяжательного префиксо-местоимения:

, T204.556:102 152.751, *u-b'a-ki ITZAMNA-KOKAAJ-B'A[h]LAM*, 'ub'aa[h]k *T'izamna Kokaaj B'a[h]lam*, “пленник Ицамна-Кокаах Балама”;

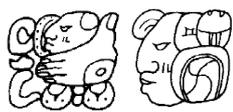
, T232.44:669:624b 12:1035a.279.1121:102, *u-to-k'a-PAKAL AJ-K'A[h]K'-o-CHAA[h]K-ki*, 'uto'k'pakal *Aj K'a[h]k' O(l) Chaa[h]k*, “оружие Огнeperого Бога Дождя”;

, T3.74:18.88 12.669:114, *u-ma-yi-ji AJ-k'a-xa*, 'umayij *Aj K'ax*, “табак Ах К'аша”;

, T115.44:563b:59 1.40.1016:24 12.177:507.178.506, *yo-to-ti u-K'UH-IL AJ-pi-tzi-la-O[h]L*, yotoot 'uk'uhil *aj pitzil o[h]l*, “дом богов мужественного сердцем”;

, T126.33.1002:670:140 1002.573a/168, *ya-YAL-la IX-TZ'AK-AJAW*, yal 'Ix *Tz'ak Ajaw*, “сын владычицы Иш Ц'ак”;

, T62.634 III.28:548 93.672 12.257:944 36.278:553b/168.130, *yu-ne HUX-WINAL-HAB' ch'a-ho AJ-TOK'-TI' K'UH-SA`-AJAW-wa*, yune(n) *hux winal-hab' ch'aho(m) Aj Tok' Ti' k'uh(ul) Saal ajaw*, “сын (живущего) третье двадцатилетие воскурителя Ах Ток' Ти', священного Саальського владаря”.

б) Формы тесной притяжательности образуются путём приобретения существительным притяжательного префиксо-местоимения с утратой абсолютного суффикса *-aj* либо *-is*:

, T757/405.181, *B'AAH-hi-AJ*, b'aahaj, “тело; изображение, образ”, но

, T204.757/405 18[545]:561.1030c:178, *u-B'AAH-hiyi-IK'-K'IN-CHAN-K'AWIIL-la*, 'ub'aa[h]k' *Yik'in Chan K'awiil*, “изображение Йик'ин Чан К'авиля”;

, T1.757 1006a, *u-B'AAH IXIM*, 'ub'aah 'Ixim, “образ Бога Кукурузы”,

, T741c.757 565.765[516c]:188 556.758a:110, *u-B'AAH ta-OK-te-le b'a-ch'o-ko*, 'ub'aah ta 'Okte**l** b'a' ch'ok, “изображение в [Святынище] Столпа старшего царевича”;

, T89.602:683, *tu-pa-AJ*, tu'paj, “серьги”, но

, T116.90:603, *ni-tu-pa*,

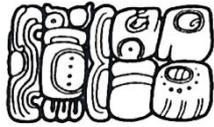
nitu'p, “мои серьги”,

, T3.89:602 117.548/168, *u-tu-pa wi-HAAB'-AJAW*, 'utu'p wi(nal) haab' 'ajaw, “серьги двадцатилетнего владыки”;

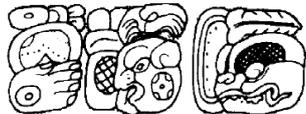
, T57.405:683, *si-hi-AJ*, si**h**aj, “дар”, но

, T204.57:136.1.671:59.712:556, *u-si-ji u-chi-ti-CH'A[h]B'-b'a*, 'usij 'uchiit ch'a[h]b', “дар совместного творения”;

, T757.57, *B'AAH-IS*, b'aahis, “голова”, но

, T59:665:713 89.204:757 3:212:764, *K'AL-SAK-HUUN tu-u-B'AAH u-KOKAN-CHAN*, k'al sakhu'n tub'aah 'Ukokan Chan, “повязание белой бумажной повязки на голову Укокан Чана”;

, T944.57, *TI-IS*, ti'is, “рот, пасть”, но

, T122.1.944 764, *K'A[h]K'-u-TI-KAN'*, K'a[h]k' 'Uti Kan', “Огонь – Пасть Змея”.

с) Формы частичной притяжательности, сверхъестественной притяжательности и особой притяжательности образуются путём приобретения существительным притяжательного префиксо-местоимения и суффикса *-il* (19:26-32):

, T232.602:57:82 115.902:59, *u-pa-si-IL yo-OTOOT-ti*, '*upaasil yotoot*, “двери дома такого-то”;

, T512a:21;24 3:19[528]:24 756[528.177]/168:130, *ye-b'u-IL u-mu-ku-IL-xi?-ku?-pi?-AJAW-wa*, *ye'[h]b'ïl' umukil* Хикиуп(?) 'ajaw, “лестница гробницы Шукуупского (?) владыки”;

, T204.539[585a]:24, *u-WAY-b'i-IL*, '*uwayb'ïl*, “опочивальня (вид святилища) такого-то”;

, T115.110:585a:24 17.64:761, *yo-ko-b'i-IL YAX-ITZAM-AAT*, *yokb'ïl Yax Itzamaat*, “алтарная платформа (бога) Йаш Ицамаата”;

, T89.909:82, *tu-MUK-IL*, *t-umukil*, “в могиле такого-то”;

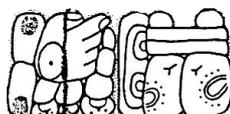

, T1.767 528.116:24, *u-LAKAM TUUN-ni-IL*, '*ulakam tuunil*, “большой камень (то есть, стела) такого-то”.

d) выявленным в текстах случаем форм особой притяжательности являются, вероятно, записи некоторых отглагольных существительных, которые в случае, когда выступают как пассивные члены притяжательной конструкции, приобретают суффикс *-je-la*, аналогичный засвидетельствованному в ч'ольти суффиксу *-ojel* (см. 86:386):

, T738c 59.807.617:69:178 228.506:178, *U ti-mi je-la a-O[h]L-la*, '*utimije'l' a(w)o[h]l*, “удовлетворение твоего сердца”;

, T105.218:69:178 1.XII:200, *u-TZUTZ-je-la u-CHA'LAJU'N-PI[h]K*, '*utzutzuje'l' ucha'laju'n pi[h]k*, “завершение двенадцатого четырёхсотлетия”;

Существительные в притяжательной форме могут использоваться в тексте самостоятельно и в составе субстантивных конструкций.

При самостоятельном употреблении наряду с существительным в притяжательной форме отсутствует существительное в абсолютной форме, на отношения с которым указывает притяжательная форма. В этом случае значение существительного в притяжательной форме близко к русскому существительному, определённого личным притяжательным местоимением:

,II.VIII:T522:136[126] XVII.548:136[126] 740:136:126 764[751]:142 679.58.665:713 89.1:757, *CHA'*-*WAXAK-WINIK*-*ji-ya HUKLAJU'N-HAB'*-*ji-ya SI[h]Y-ji-ya KAN-B'A[h]LAM-ma i-K'AL-SAK-HU'N tu-u-B'AAN*, *cha'*, *waxak winikjiy*, *huklaju'n hab'jiy si[h]yijiy Kan-B'a[h]lam 'ik'al sakhun tub'aah*, “два (дня), восемь двадцаток и семнадцать лет было от того, как родился Кан Балам до повязания белой бумажной повязки на *его голову*”.

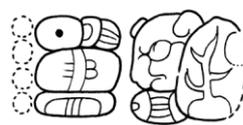
Субстантивные конструкции описаны в разделе 5.4.2.1.

5.3.1.3. Категория числа

В языке иероглифических текстов майя категория числа в настоящее время установлена только для существительных, обозначающих человеческие существа. При этом единственное число имеет нулевой грамматический показатель, а множественное число образуется при помощи суффикса *-taak*:

T229.168:518b:130, *a-AJAW-wa*, ‘*ajaw*’, “владыка”, но , 683b:130/VIII 12:168:559[544], *WINIK-wa-WAXAK a-AJAW-TAAK*, *winik-waxak 'ajawtaak*, “двадцать восемь владык”;

, T758a:110, *ch'o-ko*, *ch'ok*, “юноша”, но , IV.T59:102:24 758a:110.559[544], *CHAN-ti-ki-li ch'o-ko-TAAK*, *chantikil ch'oktaak*, “четверо юношей”.

Относительно множественного числа существительных, обозначающих неодушевлённые предметы, Д. Стюарт, С. Хаустон и Дж. Робертсон предположили, что её грамматическим показателем является вариант знака T142 с вероятным чтением *-o'b'* (51:II-26: 43:119-120), например:

, T1:117:529:142, *u-wi-WITZ-OB'*, ‘*uwitzo'b'*’, “горы такого-то”;

, T1014var.1034:142var, *HO'-HAB'-OB'*, ‘*ho' hab'o'b'*’, “пять лет”.

Однако, эта гипотеза требует дополнительного подтверждения.

5.3.1.4. Категория рода

В языке иероглифической письменности майя категория рода как таковая отсутствует. Однако, имена женских персонажей обычно имеют префикс *IX*-:

, T1002.563a.181[534]:45, *IX-sa-ja-la-ju²*, *ix sajal Juj*, “сановница из рода Игуаны”;

, T1002.28:548:142var./168, *IX-WINAL?-HAB'-OB'?-AJAW*, *ixwinal(?) haab'o'b'* ‘ajaw, “владычица двадцатилетия”.

5.3.2. Местоимения

Местоимения принято определять как слова, которые непосредственно не называют лиц, предметы и явления либо их признаки, а только указывают на них.

Выявленные в языке иероглифической письменности майя местоимения подразделяются на два больших класса: инкорпорированные и самостоятельные.

5.3.2.1. Инкорпорированные местоимения

Инкорпорированные местоимения не образуют самостоятельных словоформ, а включаются (инкорпорируются) в словоформы других частей речи. Известны две группы инкорпорированных местоимений: абсолютивные и эргативные (притяжательные).

Абсолютивные личные суффиксальные местоимения образуют абсолютные формы существительных и принимают участие в спряжении непереходных (интранзитивных) глаголов. В словоформы они инкорпорируются в их конце, как суффиксы. Для языка письменности реконструируется седующая система абсолютивных местоимений:

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	-e'n	-wajoon
2 лицо	-at	?
3 лицо	Ø	-o'b'

Эргативные (притяжательные) префиксальные личные местоимения участвуют в образовании притяжательных форм существительных и предлогов, а также в спряжении переходных (транзитивных) глаголов. В словоформы они включаются в начале, в качестве префиксов. Реконструируется следующая система эргативных местоимений:

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	<i>ni-/'in-</i> 	<i>ka-</i> , <i>kaw-</i>
2 лицо	<i>'a-</i> , <i>aw-</i>	?
3 лицо	<i>'u-</i> , <i>y-</i>	<i>'u-, 'uy- ... -o'b'</i>

5.3.2.2. Гипотеза об эмфатическом абсолютном местоимении

В некоторых случаях переходные глаголы в активной форме, выступающие сказуемыми в придаточных предложениях, имеют окончания *-iiy*, например:

, T126.534:136[126], *ya-la-ji-ya, yalajiiy*,

, T.13.944[504].136[126], *u-WE'-ji-ya, 'uwejiiy*.

Возможно, что конечное *-iiy* в этом случае является записью эмфатического (подчёркивающего, усиливающего выразительность) местоимения “именно это”, “именно его”: *yalajiiy*, “именно это он сказал”, *'uwejiiy*, “именно их они съели” (см. 43:140).

Однако, нередко такие формы транзитивных глаголов сопровождаются именными прямыми дополнениями:

, T204.262:928:135.126 232.178:738:74.1030p:116, *u-me-k'e-ji-ya u-la-ka-ma-TUUN-ni, 'umek'ejiiy 'ulakamtuun*, “коснулся рукой большого камня (= стелы)”.

В этом случае употребление эмфатического местоимения, которое должно было бы заменять такое дополнение, лишено смысла, поэтому более вероятно, что *-iiy* является суффиксом, обозначающим совершенный вид глагола, а не эмфатическим местоимением.

5.3.2.3. Самостоятельные местоимения

Самостоятельные местоимения образуют отдельные словоформы. В иероглифических текстах майя выявлены указательные, личные и относительные самостоятельные местоимения.

а. Указательные местоимения

Указательное самостоятельное местоимение *alay* или *lay*, “*вот*”, указывает начало предложения:

, T229.617:126 1014.18 1.248:556 849[747a].130, *a-LAY*-ya T'AB'-yi u-tz'i-b'a-li AJAW-wa, 'alay t'ab'aay 'utz'i[h]b'aal 'ajaw, “*вот* появилась роспись владыки”;

, T229.Earflare:126 1014var:18 1.248:585a 1002.181, *a-LAY*-ya T'AB'?-yi u-tz'i-b'i na-ja, 'alay t'ab'?'aay 'utz'i[h]b' naj, “*вот* появилась роспись – украшение (?)”;

, T29.1001:126 X.500[765] XIII.281[743]:57:126, *a-LAY*-ya LAJU'N-OKHUXLAJU'N-K'AN-a-si-ya, 'alay laju'n Ok huxlaju'n K'anasiiy, “*вот* день 10 Ок 13 число месяца К'анаси”.

Указательное местоимение *ha'*, “*это*”, “*этот*” указывает лицо. В надписи на “Панели 3” из Пьедрас-Неграс оно, возможно, употреблено с окончанием множественного числа *-tak*:

, T512var.229 565.25, *ha-a ta-ka, ha'tak*, “*эти*”.

Эмфатическое указательное местоимение *hiin* подчёркивает лицо: “*это именно он (они)*”.

Указательное местоимение *hi'* вероятно указывает на место, “*здесь*”, “*вот здесь*”:

, T405 229.512var 23.647/86, *hi a-ha na-NAL, hi' ahanal*, “*вот* здесь твоя пища”.

Указательное местоимение *b'ay*, “*вот так, таким образом*”, указывает образ действия:

, T556.126 74:520.181, *b'a-ya ma-cha-AJ, b'ay ma[h]chaj*, “*вот так* схвачен”.

б. Личные местоимения

Личные самостоятельные местоимения заменяют в предложении существительные, обозначающие лиц. Например:

Т740[585a] 51.60.1040:103, *hu-b'i ta-ha-ta, huub' ta' ha'at*, “раковина для тебя”.

, Т74:520.181 170: “Two dropped ‘ko’” Rabbit 103.63:528:23 116.950, *ta-cha-ja ...-mo-ko-mo(?)T'UL ta-hi-nani-MAM, machaj t'ul tahi'n nitam*, “нет кролика ... Мокома (?) у меня, дед мой”.

На основе анализа текстов реконструируется следующая система личных местоимений:

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	 Т405:528.23, <i>hi-na, hiin</i> , “я”	?
2 лицо	 Т60.1040:103, <i>ha-ta, ha'at</i> , “ты”	?
3 лицо	 Т60.1040, <i>ha-i, hai'</i> , “он”	 Т60.1040.279:556, <i>ha'o'b'</i> , “они”

в. Относительные местоимения

Самостоятельные личные местоимения могут выступать также в качестве относительных местоимений, вводящих придаточные предложения в сложных предложениях, например:

Т60.1040:694.556.IV:87:561:23
IV:117.746:23.IV:116:561:23 IV.294:561:23, *ha-o-b'a-CHAN-TE'-CHAN-na CHAN-MIIN-CHAN-na CHAN-ni-CHAN-na CHAN-MAY-CHAN-na, ha'o'b' chante' chan, chan Miin chan, chan ni' chan, chan may chan*, “они те, кто является четырьмя стволами небес, четырьмя Миинами небес, четырьмя вершинами небес, четырьмя дарами небес”;

Т512var: 280 585a.12:513 756a.568, *ha-o-b'i AJ-u-xu-lu, ha'oob' aj-uxul*, “они те, кто является гравировщиками”.

Кроме того, в текстах часто встречается временное относительное местоимение *i-*, “и тогда”, “до того, как”. Оно вводит придаточные предложения, описывающие события, произошедшие после истечения некоего промежутка времени:

Т1.573a:12 XI.XII:522:126
513:59.126 679.513:59 X.500[533] VIII.58:405:528, *u-TZ'AK-a B'U[h]LUCH CHA'LAJU'N-WINIK-ya u-ti-ya i-u-ti LAJU'N-AJAW WAXAK-SAK-SIHO'M, 'utz'aka' b'u[h]luch cha'laju'n winikiy 'u[h]t' i'u[h]tiy laju'n 'Ajaw waxak Sak-Siho'm*, “истечение по порядку одиннадцати (дней), двенадцати двадцаток (дней) было от того, как это случилось, до того, как случился день 10 Ахав 8 число месяца Сак”.

5.3.3. Предлоги

Предлоги являются частью речи, которая служит для описания отношений между существительными или между существительными и другими частями речи.

В языке иероглифической письменности майя можно выделить два больших класса предлогов: абсолютные и притяжательные.

5.3.3.1. Абсолютные предлоги

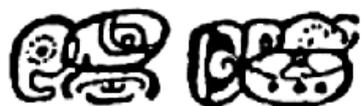
Абсолютные предлоги всегда выступают в простой, абсолютной форме. В надписях Южного пояса и в рукописях употребляются два абсолютных предлога: *ta* (в сочетании с эргативным местоимением третьего лица единственного числа – *tu*) и *ti* (такая система предлогов свойственна ч'оланским и чонтальским языкам колониальной эпохи).

Оба описывают направление, местонахождение и соответствуют русским предлогам “в”, “на”, “до”.

При этом, в Дрезденской рукописи оба предлога употребляются в параллельных контекстах, но с разными существительными, например:

, T238.667:23 59.17:87, *a-A[h]N-na ti-YAX-TE'*, *a[h]nan ti' yaxte'*,
 “идёт на дерево сейбы”, но

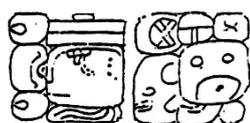
, T238.667:23 96.277:507, *a-A[h]N-na ta-wi-tzi*, *a[h]nan ta' witz*,
 “идёт на гору”.

Вероятно, здесь имеют место индивидуальные правила сочетания синонимических предлогов с определёнными существительными. Кроме того, можно допустить наличие диалектных особенностей в употреблении указанных предлогов.

Помимо указания на пространственное направление для абсолютных предлогов устанавливаются также некоторые другие значения. В частности,

ta или *ti*:

указывают время:

, T13.XI:528:116 551:1000a.168:533:130, *u-B'ULUK-TUUN-ni ta-JUUN-AJAW-wa*,
 ‘*ub'uluk tuun ta' Juun Ajaw*, “одиннадцатый год в двадцатилетии 1 Ахав”;

, T59.V.500[524] XVII.Dog:130, *ti-HO'-HIX HUKLAJU'N-UN-wa*, *ti' ho Hix waxaklaju'n 'Uniiw*,
 “в день 5 Хиш 17 числа месяца Униив”;

указывают цель, назначение:

, T62.77:585a:140 96.62:565:140 738².130, *yu-ch'i-b'i-la ta-yu-ta-la ka²-wa*,
yuch'ib'il ta' yutal kakaw, “кубок для бобового какао”;

, T62.77:585a 59.743.93 738 738.130, *yu-ch'i-b'i ti-a-ch'a ka ka-wa*,
yuch'ib' ti' ach' kakaw, “кубок для сочного какао” (то есть, для мякоти какао).

, 126.669:178var 59.679:25:130, *ya-k'a-wa ti-i-ka-tzi*, *yak'aw ti' i[h]kaatz*,
 “он дал в качестве дани”;

, T126.534:136[126] 203.592² 59.152.1009d, *ya-la-ji-ya tz'u-nu²ti-ITZAMNA-KOKAAJ, yalajiiy tz'unun ti' Itzamna Kokaaj*, “сказал колибри Ицамна Кокааху” (букв. “для Ицамны Кокааха”);

, T126.534:136[126] 59.671:88, *ya-la-ji-ya ti-chi-ji, yalajiiy ti' chij*, “он сказал оленю”;

Указывают приобретение некоего качества, нахождение в некоем состоянии:

, T644b:130.116:126 96var.168:518:188, *CHUM-mu-wa-ni-ya ta-AJAW-le, chumwaniiy ta'ajawle(l)*, “воссел на владычество”;

, T644[19]:178.88:126 59.168:188:130, *CHUM-mu-la-ji-ya ti-AJAW-le, chumlaajiiy ti'ajawle(l)*, “воссел на владычество”;

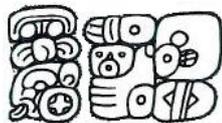
Указывают на использование определенного предмета как инструмента (образуют так называемую “конструкцию творительного падежа”):

, T126.19:670:136[126] 89.1:669[556], *ya-YAL-ji-ya tu-u-k'a-b'a, yalajiiy tu'k'ab'*, “он бросил его своей рукой”;

только *ti* –

используется в конструкциях, которые указывают нахождение в определённом состоянии, выполнение определённого действия:

, T1:757/405 59:670[533].516a:103, *u-B'AAH-hi ti-CH'AM-AK'-ta, 'ub'aah ti' ch'am ak'at*, “изображение того, который взял, танцует” (букв. “того, который в состоянии взятия”);

указывает названия танцев:

, T679.516a:406.181 59.Ш.229[743] 617:69.421, *i-AK'-TAJ-ja ti-HUX-a-je-ne, 'i'ak'taj ti' hux 'ajen*, “до того, как станцевал `Три ахена” (ахен – ритуальный предмет неясного характера).

В надписях Северного Юкатана, в частности, в Чич'ен-Ица, встречаются предлоги *'ichil*, указывающий период времени, и *mal*, указывающий на нахождение внутри чего-то:

, T679:671:178.XI:528:116 51.168:533:130, *i-chi-la-B'ULUK-TUUN-ni ta-AJAW-wa*, *'ichil b'uluk tuun t' Ajaw*, “в одиннадцатом году в двадцатилетии (1) Ахав”;

, T45:24.502:178 House:59, *ju-li-ma-la YOTOOT-ti, juli' mal yotoot*, “вошёл в дом такого-то”.

5.3.3.2. Притяжательный предлог

Притяжательные предлоги, то есть, предлоги, требующие притяжательных (эргативных) местоимений, которые указывают лицо или предмет, связь с которым описывается предлогами, известны в языках майя колониальных времен (например: юкатекский *aw-etel*, “вместе с тобой”, *y-etel*, “вместе с ним”). В языке иероглифической письменности таким предлогом является *-ichnal*, “перед, в присутствии”:

, T229.277:671/86 130.130.849, *a-wi-chi-NAL wa-wa-li*, *'awichnal wa[h]wal*, “перед тобой пирующим”;

, T18[671]/86:178 1011, *yi-chi-NAL-la ...-CHAA[h]K, yichnal ...-Chaa[h]k*, “перед ним, богом ... Чааком”.

5.3.4. Прилагательные

К прилагательным относятся слова, обозначающие признаки лица, предмета или явления.

Прилагательные, имеющиеся в языке иероглифической письменности майя, можно отнести к категориям качественных и относительных.

5.3.4.1. Качественные прилагательные

Качественные прилагательные обозначают определенные первично универсальные и постоянные качества лиц, предметов или явлений, такие как размер, возраст, цвет и т.п.

Морфологически большая часть качественных прилагательных в языке письменности майя совпадает с корнем:

, T58, *SAK, sak*, “белый”;

, T507:405, *tzi-hi, tzihi*, “свежий”;

, T204.507, *u-tzi*, *'uutz*, “добрый”.

Вместе с тем, для некоторых качественных прилагательных можно допустить существование уже непродуктивного в Классический период словообразующего суффикса *-Vm*:

, T221.188:142, *ke-le-ma*, *kele'm*, “юный, сильный”;

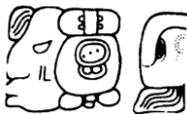
, T178:738:74, *la-ka-ma*, *lakam*, “большой” .

5.3.4.2. Относительные прилагательные

Относительные прилагательные обозначают признаки отдельных лиц, предметов или явлений через их отношение к другим лицам, предметам или явлениям. Д. Стюарт определяет их как “прилагательные, обозначающие качества предметов, которые не являются постоянными” (43:127). Наиболее распространённым способом образования относительных прилагательных в языке иероглифической письменности майя является суффиксальный, путём приобретения соответствующими существительными суффикса *-Vl* или *-il* (19:32-42):

, T738²:130.178 232.568, *ka²-wa-la u-lu*, *kakawal 'ul*, “шоколадный атоле”, от *kakaw*, “какао”;

, T1002.103:683:140 528:116, *Ix-ta-ja-la TUUN-ni*, *Ix Tajal Tuun*, “Хозяйка камня в форме факела (букв. “факельного камня”); от *taj*, “факел”;

, I.T529:24 1119:102, *JUUN-WITZ-li CHAA[h]K*, *Juun Witzil Chaa[h]k*, “Первый Горный Бог Дождя”, от *witz*, “гора”;

, T568:173.24 177.507:142, *lu-mi-li pi-tzi-la*, *luumil pitziil*, “земляной игрок” (участник состязания в борьбе, происходившей на земле), от *luum*, “земля”.

Прилагательные, обозначающие приобретаемый признак, вероятно, образуются при помощи суффикса *-jal* (19:39-42):

, T281.181:140 19.528:18, *K'AN-ja-la tu-ku-yi, k'anjal mikuuy*, “желтеющая горлица”;

, T58.683:139 756, *SAK-ja-la SUUTZ', sakjal suutz'*, “белеющий нетопырь”.

Усиление признака, возможно, передавалось путём удвоения корня прилагательного (как в современных языках ч'оль и чонталь):

, 229.126.17:683:178, *a-ya-YAX-ja-la, aj-yaaxjal*, “ставший ярко-зелёным”.

5.3.4.3. Употребление прилагательных

В иероглифических текстах майя прилагательные всегда употребляются вместе с определяемым существительным (предшествуют ему) и не имеют особых грамматических признаков (например, числа, рода или падежа). В составе притяжательных конструкций они выступают как часть словоформы существительного и следуют после эргативного местоимения:

, T232.178:738:74.1030p:116 1:757:106 122.624[544]. 25.764.23, *u-la-ka-ma-TUUN-ni u-B'AAH-hi K'A[h]K'-PAKAL-ka-KAN-na, 'ulakamtuun 'ub'aah K'a[h]k' Pakal Kan*, “большой камень (= стела) образа Огнещитого Змея”.

5.3.4.4. Адъективация существительных

В сочетаниях некоторых существительных одно из этих существительных очевидно имеет значение относительного прилагательного, хотя не приобретает соответствующих грамматических признаков. Таким образом, происходит адъективация (“оприлагательнивание”) существительных. Такое явление, в частности, имеет место в сочетаниях “географическое название” + *'ajaw*, “владыка”, “такой-то владыка” (приблизительно, как если бы по-русски говорили не “московский царь”, а “Москва-царь”). Эти сочетания, значения которых было установлено еще в 1958 году Г. Берлином, принято называть “эмблемными иероглифами” (Emblem Glyphs), например:

, T36.743[928]/168/130, *K'UH-a-k'e-AJAW-wa, k'uh(ul) Ak'e 'ajaw*, “священный Ак'еский владыка” (правитель Бонампака или Лаканха),

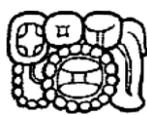
, T45.320[568].177/168, *ju-JUL-lu-pi-AJAW*, *Juluup/Julpi 'ajaw*, “Хулуупский или Хульпиский владыка” (правитель Ишкуна),

, T36.562:23/168, *K'UH-pa-CHAN-na-AJAW*, *k'uh(ul) Pachan 'ajaw*, “священный Пачанский владыка” (правитель Йашчилана),

, T33.177².743/168, *K'UH-pi²-a-AJAW*, *k'uh(ul) Pipa 'ajaw*, “священный Пипаский владыка” (правитель Помона или Эль-Ареналя)

, T36.582[644].115/168, *K'UH-po-to-yo-AJAW*, *k'uh(ul) Potoy 'ajaw*, “священный Помойский владыка” (город не идентифицирован),

, T33.115.585c(=585a[102])/168, *K'UH-yo-ki-b'i-AJAW*, *k'uh(ul) Yokib' 'ajaw*, “священный Йокибский владыка” (правитель Пьедрас-Неграс).